

Вадим Беспрозванный
Чтение перечитываемого

Да, мы все знали, но это знание принадлежало у нас, детей сталинской эпохи, к другой, подавленной стороне души.

О. Ронен. *Март*¹

В числе лекционных курсов, которые профессор Ронен читал в Мичиганском университете, был курс о русской плутовской литературе. Из-за расписания моих аспирантских занятий я не смог посетить эти лекции, о чем, конечно, жалею. Среди произведений, включенных О. Роненом в лектур, — от *Мертвых душ* до „бестселлера“ курсов русской литературы для американских студентов *Мастера и Маргариты*,² входили книги, по большей части не принадлежащие детской литературе (расплывчатое понятие!), но те, чтение которых так увлекает именно в детстве: *Гиперболоид инженера Гарина*, *Двенадцать стульев* и *Золотой теленок*, эренбургский *Хулио Хуренито*. Список произведений заключал роман Леонида Соловьева *Возмутитель спокойствия* (в английском переводе название книги звучит интригующе — *The Beggar in the Harem: Impudent Adventures in Old Bukhara*). Это произведение — первая часть дилогии *Повесть о Ходже Насреддине*, куда входит еще роман *Очарованный принц*. Список для чтения вызывал и сентиментальные воспоминания: *Повесть* и сборник *Анекдотов о Ходже Насреддине* были среди тех книг моей домашней биб-

© Vadim Besprozvannyi, 2012

© TSQ 42. Fall 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Звезда. 2002. № 3. С. 231.

² По замечанию самого О. Ронена (*Цельность*), „книжка все-таки скорее для юношества“ // Звезда. 2006. № 3. С. 222.

лиотеки, которые я часто перечитывал после и во время школьных занятий. В особой увлекательности подобной литературы ощущается своего рода ловушка: будто не ты читаешь книгу, но она, безраздельно завладев твоим вниманием, ведет за собой, соединяя радость узнавания с радостью первооткрытия. Чтение книги сопровождается тем особым ощущением, которое точно передал В. Набоков: „Правая, еще непочатая часть развернутого романа, которую мы, посреди лакомого чтенья, легонько ощупывали, машинально проверяя, много ли еще (и все радовала пальцы спокойная, верная толщина) [...]“³

Упоминание о Л. Соловьеве дважды встретилось мне в цикле О. Ронена *Из города Энн*: в эссе *Перечитывание*⁴ и в процитированном отрывке из *Альбома для марок* Андрея Сергеева (в эссе *Марки*⁵).

Между временем написания Соловьевым второй книги о Ходже Насреддине — *Очарованный принц* — более десяти лет, из которых восемь Соловьев провел в заключении в Дубравлаге (Мордовия). Авторы статей о писателе (главным образом, предисловий к его сочинениям), сравнивая два романа, пишут об изменении стиля, поэтики повествования и т. п., или об их преемственности. Все это, вероятно, справедливо — вряд ли Соловьев стремился непременно сохранить что-либо из первой книги, кроме ее героя и восточного антуража; правда и то, что второй роман не был написан „с чистого листа“. В *Очарованном принце* Ходжа Насреддин, как и прежде, — плут и борец за справедливость, плутовски сражающийся со злом в одиночку. Но во второй книге к обрамленным суфийской мудростью (все ли цитаты подлинные?) приключениям и злоключениям Насреддина, уже известным читателям *Возмутителя спокойствия*, добавлено то, что Леонид Соловьев испытывал сам. Его личный опыт, бывший, конечно, частью общего опыта переживших сталинское время, привнес в книгу

³ Набоков В. Приглашение на казнь // Набоков В. Собрание сочинений русского периода в 5-и т. Т. 4. СПб., 2000. С. 47–48.

⁴ Звезда. 2008. № 1. С. 227.

⁵ Звезда. 2008. № 3. С. 222.

рассказы о всеобщем доносителстве, о допросах, на которых следователь мог выбить из арестованного любые нужные ему показания, о людях, оказавшихся винтиками чужих интриг и вынужденных оговаривать себя. И хотя в этом нет, на первый взгляд, ничего, что не походило бы на проявление „восточной“ полусказочной жестокости, сегодня эти страницы читаются как аллюзии на события 30-х—50-х гг. Вот лишь некоторые цитаты, иллюстрирующие тему:⁶

(Из разговора хана и Камильбека, вельможи, ответственного за внутреннюю безопасность в стране):

У меня в подземелье сидят два пешаверца, еще в позапрошлом году схваченные мною на базаре за чародейные замыслы против великого хана. В своих преступлениях они, разумеется, полностью признались на первых же двух допросах и были приговорены мною в соответствии с законом к заключению в подземной тюрьме. Так вот недавно, на днях, они дополнительно показали, что встречали на пешаверском базаре мужа этой женщины в жалком состоянии раба. [...] Вот, о повелитель, что показали на допросе пешаверцы — оба и причем одними и теми же словами.

— У тебя на допросах все показывают одними и теми же словами, — заметил хан, сумрачно усмехнувшись. [...]

— Что-то весьма нечисто, говорю я. Пешаверцы схвачены полтора года назад, а показали о встречах с мужем этой женщины только сейчас. Почему же они не показывали до сих пор?

— Они упорствовали в отрицании, только теперь признались.

— Упорствовали в отрицании? - Усмешка на лице хана стала еще мрачнее. — В чародействах, которые грозили им тюрьмой, признались, по твоим словам, на первых же двух допросах, а во встречах с мужем этой женщины, что им ровно ничем не грозило, не признавались

⁶ Все цитаты из этого романа приводятся по следующему изданию: Соловьев Л. Повесть о Ходже Насреддине. Кн. 2. Очарованный принц. [М.], 1957.

целых полтора года? Это — в твоих-то подземельях, в твоих-то руках? (С. 263)

Их [пешаверцев] дальнейшая судьба нам неизвестна, однако мы верим, что уже больше не попадали на помол в ту достославную мельницу, где воды своекорыстных вертят колеса хитростей, где валы честолюбий приводят в движение зубчатки доносов и жернова зависти размалывают зерна лжи... (С. 270)

(Несколько фрагментов, относящихся к образу великого хана, правителя Коканда. Некоторые детали этого образа обнаруживают удивительное сходство сказочного правителя с „отцом народов“, бывшим для многих фигурой не менее сказочной):

Он [Камильбек] стоял в дворцовой опочивальне перед постелью повелителя и подобострастно докладывал ему события минувшего дня. Таков был заведенный ханом порядок; могут подумать, что повелителю не хватало дневного времени⁷ — вовсе не так: он просто боялся оставаться по ночам один, так как был издавна подвержен приступам внезапного удушья. (С. 260)

Затем вельможа помедлил, готовясь к удару по главному своему врагу. Этот удар он замыслил давно и выращивал долго, как заботливый садовник⁸ выращивает в теплице драгоценный плод. Врагом вельможи был военачальник Ядгорбек, по прозванию Неустрашимый, водитель знаменитой кокандской конницы, доблестный

⁷ Привычка Сталина работать по ночам отмечена многими историками и беллетристами.

⁸ [...] в 30-е годы с образом „садовника“ было связано имя Сталина! Месс-Бейер [Ирина Месс-Бейер. Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов.: Дисс. на соискание учен. степ. доктора философии. — Хельсинки, 1997 — В. Б.] напомнила, что сравнение Сталина с садовником было в СССР трафаретным: „Есть великий садовник у нас“; „Он — как садовник у древа бессмертья“; „И он склоняется к детям, как мудрый садовник к цветам“ и т. д. „Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево“, — цитировала Сталина „Литгазета“. Лахути вдобавок к этому показывает, что как минимум ежемесячно, с декабря 1934 года по май 1935-го — когда были написаны слова Мандельштама о „садовнике и палаче“, — в „Правде“ повторялись напоминания о „Сталине-садовнике“. (Вайль Б. Делир Лахути. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама // Знамя. 2010. № 5. С. 224).

воин, весь в шрамах от вражеских сабель и увенчанный славою многих побед. Раболепная, трусливая низость всегда ненавидит ясное благородство высоких и смелых душ; вельможа ненавидел Ядгорбека за прямоту в речах, особенно же за неподкупное почтение, переходящее в любовь, простого народа. (С. 261)

[...] о сколь прискорбна, отвратительна и постыдна такая мелочность в повелителе, недаром говорят, что он низкого рода и подлинный отец его — дворцовый коных!..⁹ (С. 290)

(Ходжа Насреддин, выдающий себя за гадалщика, схвачен Камильбеком, который пытается погубить Насреддина):

Допрос вельможа начал не сразу — долго перебирал и перекладывал бумаги, что-то в них подчеркивая ногтем, зловеще усмехался и мычал.

Наконец, обратив к Ходже Насреддину пронизательный, насковзь проходящий взгляд, он сказал:

— Ты сам знаешь, почему схвачен и ввергнут мною в тюрьму. Мне известно о тебе все, я уже давно охочусь за тобою. Расскажи теперь сам о своих злодеяниях и открой свое настоящее имя. (С. 292)

В бумагах, что лежали перед ним, говорилось о действительно опасном мятежнике Ярмате-Мамыш-оглы, несомненно памятном великому хану.

Родство с Ярматом — вот ловушка, из которой гадалщик не выскочит!¹⁰ Пусть-ка попробует доказать, что дед мятежника не был и его дедом; если бы даже по-

⁹ В советское время курсировали разные слухи о происхождении Сталина. Своего рода обобщение этих „народных преданий“ встречаем у Ирины Пивоваровой: „[...] он ведь не из простых, говорят, в нем текла дворянская кровь, говорят, его отцом был сам Пржевальский, чьим именем названы какие-то одичавшие лошади, а мать считалась лучшей уборщицей люксовых номеров гостиницы Таврия в Кутаиси“. (Пивоварова И. Круглое окно. М., 1997. С. 27).

¹⁰ „Если к тому же выяснялось, что у арестованного хотя бы на самых далеких развилках родства были репрессированные (а по совести говоря, у кого их тогда не было?), то в меморандуме он назывался не иначе как „близкий родственник ныне разоблаченного врага народа...“ (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1989. С. 334)

койная бабушка гадалщика сама поднялась из могилы, чтобы с негодованием отвергнуть такой поклеп, можно было бы и ей не поверить [...]. (С. 290—291).

Несмотря на очевидность этих аллюзий и большую вероятность того, что в романе они возникли не случайно, нет нужды непременно видеть в них часть какого-то сознательно разработанного автором плана, стремление воспользоваться „эзоповым языком“. Двойственность механизма иносказания — кажущегося то откровенным намеком, то зашифрованным посланием — тонко описал Сигизмунд Кржижановский:

Любопытно, что если древнему баснославателю приходилось рядить в звериные шкуры людей, то российскому Эзопу, обращая прием, приходилось под человеческим обликом литературных персонажей прятать звериную суть тогдашней действительности. Перечитываемая сейчас русская литература этого склада кажется слишком плохо маскированной. Но это ошибка подготовленного восприятия: если публицист В. Амфитеатов, озаглавливая один из своих памфлетов «Семья Обмановых» [...] был мало прикровенен, то Салтыков-Щедрин в «Истории города Глухова», смутно, при первочтении, напоминающей какую-то другую «историю», умело то спутывает, то разделяет два смысла повести: явный и тайный.¹¹

В процитированных выше фрагментах из *Очарованного принца* современность, скрытая общим потоком остросюжетного повествования, местным колоритом и значительной временной дистанцией, может быть прочитана в двойной перспективе: как относимой к времени-месту текста, так и ко времени-месту его создания.

В числе произведений советской приключенческой литературы можно назвать еще одно, едва ли не в большей степени обладающее вышеназванной особенностью. Речь идет о романе Роберта Штильмарка *Наследник из Калькутты*, дол-

¹¹ Эзопов язык // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов в 2-х т. М. — Л., 1925. Т. 2. Стб. 1102.

гое время бывшем одинаково популярным чтением для детей „старшего и среднего школьного возраста“ и для взрослых.

Благодаря многочисленным статьям сына писателя, Ф. Р. Штильмарка, ряду др. публикаций, история написания *Наследника* и биография его автора теперь общеизвестны. Интересно лишь отметить одну сходную деталь в судьбах Штильмарка и Соловьева: советская власть, по вздорному обвинению лишившая этих писателей свободы, тем не менее, создала им некоторые условия для продолжения литературной деятельности и в заключении: Соловьев был банщиком, Штильмарк — кочегаром, благодаря чему оба смогли не только выжить, но и писать в лагере.

Арестованный в 1945 г. Р. Штильмарк приобрел некоторую известность среди заключенных как умелец „тискать романы“. По предложению лагерного нарядчика (по др. источникам — бригадира), решившего заработать расположение Сталина и досрочное освобождение, стал писать роман, представлявший собой смесь пиратской экзотики и приключенческих клише в духе Хаггарда и Буссенара. После освобождения Штильмарка из лагеря в 1955 г. его роман, изданный в 1958 г., вплоть до 80-х не переиздавался и был огромной редкостью (среди книголюбов *Наследника из Калькутты* запросто обменивали на томик Кафки). С нелитературоведческой точки зрения роман довольно сумбурный, с чем вряд ли согласятся многочисленные его почитатели. За перегруженным до крайности динамичным повествованием практически теряется одна примечательная деталь: некоторые фрагменты *Наследника* отчетливо проецируются на реалии лагерной жизни, а романские „невольники“ более напоминают описанных Шаламовым и Солженицыным зеков, работающих на лесоповале или в карьере:¹²

В один из этих бурных дней синьор Каррачиола все же настоял на своем требовании посетить рудник. Все виденное вспоминалось ему потом смутно, как во сне:

¹² Все цитаты из романа приводятся по следующему изданию: Штильмарк Р. *Наследник из Калькутты*. Ташкент, 1989.

желтые скалы и голубая, огромная яма — воронка глубиной до двадцати футов, где копошились совершенно голые рабы. Многие работали в ножных кандалах, а некоторые были цепями прикованы к тачкам. Неподалеку находился барак, где дробилась и измельчалась голубая порода, содержащая алмазы. Яма и барак были обнесены канавой с отвалом, по гребню которого шел сплошной дощатый забор, утыканный гвоздями. Вдоль забора шагали часовые. В конце дня у ворот выстраивалась очередь голых, обритых невольников. Их обыскивали [...].

Негры передвигались только общим строем; под конвоем их вели на работу и приводили обратно в лагерь. В „голубой яме“ работали от зари до зари, но кормили рабов варевом из ячменя или маиса лишь в лагере — перед выходом на работу и перед сном. В забоях стояли только бочонки с тухлой теплой водой. [...]. (С. 483—484)

Глазам разведчиков представилось малопривлекательное зрелище невольничьего лагеря. Среди кустарников и мелкоlesia, прилегающего к береговой полосе бухты, была расчищена большая площадка. Сотни две женщин возводили частокол из жердей и бревен с обожженными, заостренными концами. На двух противоположных углах этой площадки возвышались уродливые сооружения на длинных столбах. Это были наблюдательные вышки для стражи — первые образцы европейской архитектуры, воздвигнутые колонизаторами на новой земле. Стражи, по двое на каждой вышке, расположились под пальмовыми листьями навесов и полужили на плетеные перила длинные ружейные стволы.

Возле двухстворчатых ворот уже стояла будка, сплетенная из прутьев и веток и похожая на высокую корзину. В ней укрылись еще два вооруженных матроса. Изгородь вокруг лагеря еще не была закончена, и десятка два матросов окружало площадку, дабы кому-нибудь из негров не взбрело в голову поискать себе на острове другое пристанище. Пять больших хижин быстро вырастали на огражденном пространстве.

Поодаль, на левобережье бухты, то и дело мелькали верхушки падающих деревьев. Здесь тоже расчищали площадь под строения и поля будущей плантации.

На опушке леса отряд негров был занят распиловкой бревен. Солнце нещадно жгло лоснящиеся от пота черные спины пильщиков. Одни стояли на помосте, другие — внизу, на земле. Мерно сгибались туловища. Вверх — вниз, вверх — вниз сновали маховые пилы, вгрызаясь стальными зубьями в толстые бревна. Уже два больших штабеля свежих досок лежали по обе стороны помоста. (С. 453—454)

Память автора отражает в романе его собственную биографию, но движется в порядке, обратном хронологическому: от каторжной работы в лагере („настоящее“ автора) ко времени пребывания в следственной тюрьме.

Человек ходил по тюремной камере.

Четыре шага в длину, три шага в ширину. Окно в полукруглой передней стене — на высоте трех с половиной ярдов: даже на цыпочках не дотянешься руками до подоконника. [...] Дверь была железной; с небольшим оконцем и круглым „глазком“, снаружи защищенным маленькой медной крышкой. [...]

[...] недоверчивость узника усилилась и в конце концов превратилась в тайную, хорошо скрытую неприязнь к соседу, когда тот в состоянии сонного бреда проговорился о цели своего далеко не случайного пребывания в камере номер четырнадцать. Узник давно знал обычай ловких тюремщиков подсылать к заключенным так называемых „наседок“ [...]. (С. 566—567)

У наглухо закрытых крепостных ворот толпились по-нурье, бедно одетые женщины, подростки и старики с сумками и узелками в руках. Это были родственники здешних арестантов, надеявшиеся получить свидание с узниками или хотя бы вручить им приношения к празднику. (С. 606)

Говоря не о литературоведческих, но о биографических эссе Омри Ронена, можно заметить, что тема чтения в них часто переплетается с темой времени. Бесчеловечность и безнаказанность сталинского террора и сменившая его тусклая „ве-

гетарианская“ несвобода делали чтение альтернативой той „достославной мельнице“, о которой писал Л. Соловьев. Времена, конечно, меняются, но мельницы все же остаются. Значит, остается чтение и перечитывание.